

МИРЫ
КАССАНДРЫ КЛЭР

КАССАНДРА КЛЭР

Книга вторая

ХРОНИКИ АКАДЕМИИ
СУМЕРЕЧНЫХ
ОХОТНИКОВ

Издательство АСТ
МОСКВА

Кассандра Клэр, Робин Вассерман

Принцы и пажы¹

Как я провел летние каникулы
Сочинение Саймона Льюиса

Этим летом я жил в Бруклине. И каждое утро бегал по парку. А однажды увидел в собачьем пруду русалку. Она была...

Саймон Льюис отложил ручку и потянулся к англо-хтоническому словарю в поисках слова «блондинка». Но, надо полагать, создания из демонических измерений не придавали значения цвету волос: такого слова в словаре не было. Как не было и слов, относящихся к семье, дружбе и телеку.

Саймон погрыз ластик на конце карандаша, вздохнул и снова склонился над бумагой. К утру нужно было сдать преподавателю хтонического

¹ В названии и в тексте новеллы использованы цитаты из стихотворения Дж. Китса «Прекрасная дама, не знающая милосердия» (здесь и ниже в пер. А. Щедрецова). — *Примеч. ред.*

сочинение о том, как он провел лето. Пятьсот слов. Он уже час над ними бьется, а сделал... ну, примерно тридцать.

У нее были... волосы. И...

«...и огромные буфера...» — Сосед Саймона по комнате, Джордж Лавлейс, протянул руку у него из-за плеча и вывел на бумаге несколько слов. — Вот, решил тебе помочь, — ухмыльнулся он.

— И попал пальцем в небо, — Саймон не смог сдержать ответной улыбки.

Этим летом он скучал по Джорджу — сильнее, чем сам того ожидал. И сильнее, чем ожидал, скучал по всему остальному: не только по новым друзьям, но и по самой Академии Сумеречных охотников, по заранее известным и расписанным ритмам учебных дней — по всему, что раздражало его столько месяцев. По слизи и сырости, по утренним упражнениям, по шороху неизвестных существ за каменными стенами... ах да, чуть про суп не забыл. Первый свой год в Академии Саймон в основном посвятил размышлениям, не выкинут ли его отсюда: в любую минуту какие-нибудь важные Сумеречные охотники могли вдруг догадаться, что ему здесь не место.

Но все изменилось, когда он вернулся в Бруклин. Пытаясь заснуть под развешанными по стенам плакатами с Бэтменом и слушая долетавший из соседней комнаты материнский храп, Саймон понял, что родной дом перестал быть ему домом.

Домом для него отныне — неожиданно и необъяснимо — стала Академия Сумеречных охотников.

Парк-Слоуп оказался не таким, каким Саймон его помнил. Теперь в этом районе Бруклина ценки оборотней резвились на дорожках Проспект-парка, словно на собачьей площадке; посреди Большой Армейской площади появился фермерский рынок, где чародеи торговали сырами ручной работы и приворотными зельями, а по берегам Говануса слонялись вампиры, пулявшие сигаретными окурками в прохожих хипстеров. Саймону то и дело приходилось напоминать себе, что и оборотни, и чародеи, и вампиры были здесь всегда. Изменился не Парк-Слоуп — изменился сам Саймон. У него теперь прорезалось Зрение — и Саймон с тревогой озирался по сторонам и вглядывался во всякую тень. Поэтому Эрик совершил большую ошибку, решив подкрасться к нему сзади: тело само припомнило нужный прием дзюдо, и парой непринужденных движений Саймон сбил старого друга с ног.

— Уф, — резко выдохнул Эрик, тараща на него глаза и не решаясь подняться с пожелтевшей августовской травы. — Полегче, солдат!

Эрик, конечно, думал, что его друг целый год провел в военной школе. Точно так же думали мама и сестра Саймона, да и все остальные. Ему приходилось лгать — лгать всем, кого он любит, — и этим теперешняя жизнь в Бруклине тоже отличалась от прежней. Возможно, именно поэтому он и стремился поскорее отсюда сбежать. Слишком уж тяжело ему было сочинять какие-то байки о полученных выговорах и об инструкторах по строевой подготовке, гонявших его

до седьмого пота, — Саймон волей-неволей припомнил всю эту чушь из дурацких фильмов восьмидесятых.

Но самое неприятное — нужно было лгать и о том, кто он такой. Лгать — и притворяться тем парнем, которого они помнили; тем Саймоном Льюисом, который видел демонов и магов только на страницах комиксов; тем, которому смерть грозила лишь однажды — когда он ел шоколадку и случайно поперхнулся миндальной присыпкой. Но он больше не был *тем* Саймоном; он даже близко не походил на того парня. Может, он пока еще и не Сумеречный охотник — но он давно уже не простец. Саймон устал притворяться.

Единственным человеком, с которым не приходилось притворяться, была Клэри. Неделя за неделей он проводил с ней все больше и больше времени, гуляя по городу и слушая истории о том, каким он, Саймон, был, пока заклятие не отняло у него память. Он по-прежнему не помнил толком, какие отношения связывали их с Клэри в той, прошлой жизни, — но с каждым днем это казалось все менее важным.

— Знаешь, а я ведь тоже не та, кем была раньше, — однажды заявила Клэри.

Они сидели в «Джава Джонсе» и лениво тянули уже по четвертой чашке кофе. Саймон делал все возможное, чтобы к сентябрю в его жилах тек чистый кофеин вместо крови — ведь в Академии не найти ничего, хоть отдаленного похожего на кофе.

— Иногда я чувствую, что та, прежняя Клэри так же далеко от меня, как прежний Саймон — от тебя.

— Ты скучаешь по ней?

На самом деле он, конечно, хотел спросить, скучает ли Клэри по нему — по тому, прежнему Саймону. По другому Саймону. По Саймону, который лучше, храбрее теперешнего. По тому Саймону, которым, как он боялся, ему никогда уже не стать.

Клэри мотнула головой. Огненно-рыжие локоны качнулись над плечами, зеленые глаза зажглись уверенностью.

— Я даже по тебе больше не скучаю, — снова дал о себе знать ее непостижимый талант угадывать, что творится у него в голове. — Ведь ты вернулся. Во всяком случае, я на это надеюсь...

Саймон пожал руку девушки. Другого ответа им обоим и не требовалось.

— Кстати, насчет твоих летних каникул, — Джордж шлепнулся на продавленный матрас, выдернув Саймона из воспоминаний. — Ты вообще собираешься мне рассказать?

— О чем? — Саймон откинулся на спинку стула, но, услышав зловеющий треск ломающегося дерева, тут же снова склонился к столу. Как второкурсники они имели право перебраться в комнату наверху, но решили остаться в подвале. Саймон уже практически сроднился с местной мрачной сыростью, да и в том, чтобы обитать подальше от любопытных преподавательских глаз, были определенные плюсы. Не говоря уже о презрительных взглядах студентов из элиты. До сих пор многие дети Сумеречных охотников допускали мысль, что их ровесники-простецы все же на что-то способны,

но теперь у них будет совершенно новый класс, и Саймону совсем не улыбалось вновь и вновь преподавать маленьким зазнайкам уроки вежливости. Однако сейчас, когда его стул решал, развалиться прямо под ним или все-таки подождать, а по ногам пробежало что-то серое и пушистое, Саймон задумался, не поздно ли еще попроситься наверх.

— Саймон, дружище. Ну хоть косточку мне кинь. Знаешь, как я провел летние каникулы?

— Стриг овец?

За последние два месяца Джордж прислал ему несколько открыток. Спереди на каждой из них красовался какой-нибудь идиллический шотландский пейзаж. А на обороте — сообщения, неизменно вертевшиеся вокруг одной-единственной темы:

Скучно.

Как же скучно.

Убей меня прямо сейчас.

Поздно. Я уже умер.

— Стриг овец, — уныло подтвердил Джордж. — Кормил овец. Пас овец. Возился с возами овечьего навоза. Пока ты... сам знаешь чем занимался с некой черноволосой воительницей. Или ты хочешь, чтобы я умер от любопытства?

Саймон вздохнул. Джордж сдерживался целых четыре с половиной дня. На большее, как подозревал Саймон, невозможно было и надеяться.

— С чего ты решил, что я чем-то занимался с Изабель Лайтвуд?

ПРИНЦЫ И ПАЖИ

— Ну, я даже не знаю. Может, с того, что в последний раз, когда мы виделись, ты не затыкаясь о ней трещал? — И он продолжил с плохим американским акцентом: — Что мне делать на свидании с Изабель? Что мне говорить на свидании с Изабель? Что мне надеть на свидание с Изабель? О, Джордж, ты, загорелый шотландский мачо, скажи мне, что мне делать с Изабель!

— Что-то не припомню, чтобы я произносил такие слова.

— Ты выражал их всем своим видом, — пояснил Джордж. — Давай колись.

Саймон пожал плечами:

— Не получилось.

— Не получилось?! — Брови Джорджа взлетели чуть ли не к самым волосам. — *Не получилось?!*

— Не получилось, — подтвердил Саймон.

— Ты хочешь сказать, что это конец? Конец твоей невероятной истории любви с самой горячей Сумеречной охотницей наших дней, которая прошла по множеству измерений и выстояла в куче сражений во имя спасения мира? Вот так вот просто — пожать плечами и сказать... — И снова этот американский акцент: — *«Не получилось?»* И это всё?

— Да. Именно это я и хочу сказать.

Саймон пытался, чтобы голос прозвучал как обычно, но, видимо, ему это не удалось. Джордж поднялся и положил руку на плечо приятеля.

— Прости, дружище, — тихо произнес он.

Саймон снова вздохнул.

— Ничего.

Как я провел летние каникулы

Сочинение Саймона Льюиса

Я упустил все свои шансы в отношениях с самой потрясающей девушкой на свете.

Не раз. Не два. Три раза.

Она пригласила меня на свидание в свой любимый ночной клуб, где я запутался в собственным ногах и всю ночь, как слабоумный придурок, проторчал на одном месте. Потом я подвез ее в Институт, пожелал спокойной ночи и пожал ей руку.

Да-да, вы все прочли верно. Я. Пожал. Ей. Руку.

Потом я пригласил ее на свидание номер два — в мой любимый кинотеатр, где заставил ее не отрываясь высидеть все «Звездные войны: Войны клонов» и даже не заметил, что она уснула. Потом я случайно обидел ее — откуда я вообще взял, что она когда-то встречалась с каким-то хвостатым магом? Да еще и настаивал, что обязательно хочу об этом узнать.

Плюсуйте еще одно рукопожатие на прощание.

Свидание номер три. Еще одна бредовая моя идея: двойное свидание с Клэри и Джейсом. И все бы хорошо, да вот только Клэри с Джейсом влюблены друг в друга так, как еще не бывало за всю историю человечества. И я почти уверен: они трогали друг друга ногами под столом. Потому что в конце концов Джейс стал поглаживать своей ногой мою — случайно, конечно. (Надеюсь, что случайно.) (Лучше бы это было случайно.) А потом на нас напали демоны, потому что Клэ-

ри с Джейсом — просто ходячие магниты для всякой нежити. Через тридцать секунд я уже был выведен из строя и валялся мешком в углу, пока остальные спасали положение. И Изабель держалась как потрясающая богиня-воительница. Потому что она и есть потрясающая богиня-воительница. А я — жалкий слабак.

А потом все отправились в погоню за демонами, которые послали за нами других демонов; но меня с собой не взяли. (Смотри выше. Повторяю: я жалкий слабак.) Когда они вернулись, Изабель даже не позвонила мне — какая же богиня-воительница захочет встречаться со слабаком, прячущимся в углу? Я тоже не стал ей звонить — по той же причине... а еще потому, что я надеялся, что она сама мне позвонит.

Чего она так и не сделала.

Конец.

На этом Саймон решил, что попросит преподавателя хтонического дать ему на сочинение еще неделю.

Учебный план второго курса, как оказалось, почти ничем не отличался от первого — за одним исключением. В этом году, пока ученики месяц за месяцем будут отсчитывать время до дня Восхождения, им предстояло изучать «Современную политическую обстановку». Впрочем, на основании того, что они уже изучили, этот предмет спокойно можно было бы назвать иначе: «Почему фейри — отстой».

Каждый день второкурсники — и Сумеречные охотники, и простецы — собирались в одной из тех аудиторий, которые в прошлом году стояли запертыми. (Объясняли это каким-то заражением демоническими жуками.) Втискивались за ржавые парты, словно бы созданные для студентов-лилипотов, и слушали, как профессор Фриман Мэйхью толкует о заключении Холодного Мира.

Фриман Мэйхью был худым лысым мужчиной с седеющими усами-щеточкой, как у Гитлера. И хотя он каждое свое предложение начинал со слов: «В те времена, когда я боролся с демонами...» — трудно было представить его борющимся с чем-то страшнее простуды. Мэйхью полагал своей задачей убедить студентов, что фейри — хитрые, не заслуживающие ни малейшего доверия, бессердечные и достойные только полного уничтожения (чего, разумеется, никогда не признают «эти слабонервные политики», управляющие Конклавом).

Студенты быстро усвоили, что любое возражение и даже попытка просто задать вопрос, вызывают у Мэйхью чуть ли не сердечный приступ. На его лысом черепе расцветало красное пятно, и преподаватель свирепо выплевывал:

— Вы там были? *Не думаю!*

Этим утром Мэйхью появился в классе не один — с ним пришла девушка лишь на несколько лет старше Саймона. Светлые до белизны волосы ее спадали локонами на плечи, сине-зеленые глаза ярко сверкали, а рот кривился в мрачной улыбке, без слов говорившей о том, что

находиться здесь девушка совсем не рада. Мэйхью стоял рядом со своей спутницей, но Саймон заметил, что профессор старается держать дистанцию и ни в коем случае не поворачиваться к девушке спиной. Мэйхью ее боялся.

— Давай, — грубо скомандовал он. — Скажи им, как тебя зовут.

Девушка, уставившись в пол, пробормотала что-то неразборчивое.

— Громче, — выплюнул Мэйхью.

На этот раз гостя подняла голову, обвела взглядом забитый до отказа класс и, наконец, заговорила. Голос ее звучал громко и ясно:

— Хелен Блэкторн. Дочь Эндрю и Элеанор Блэкторнов.

Саймон присмотрелся к девушке повнимательней. Хелен Блэкторн — имя это он хорошо знал из тех историй, что Клэри рассказывала ему о Смертельной войне. В тех сражениях Блэкторны погибли почти все, но он думал, что Хелен и ее брат Марк погибли одними из первых.

— Лжешь! — рявкнул Мэйхью. — Попробуй еще раз.

— Если мне удастся лгать, это уже само по себе о чем-то говорит, разве нет? — парировала девушка, но всем было ясно, что она уже знает ответ.

— Условия, на которых ты здесь находишься, тебе известны, — отрезал профессор. — Говори правду или отправляйся домой.

— Это не мой дом, — тихо, но твердо отозвалась Хелен.